

Пина Бауш и ее «Танцтеатер»

С Пиной Бауш не так-то легко общаться — с этой высокой худой дамой, чей низкий голос напоминает голос Греты Гарбо.

Можно ли сказать про нее «звезда»? Вряд ли. Скорее уж комета — вечно движущаяся в неизвестность, распространяя вокруг себя какой-то магический, мерцающий свет. Ее спектакли недаром называют представлениями на длинной дистанции — они смотрятся с невероятным напряжением и выматывают, словно долгий бег. Одна из их главных, преобладающих тем — пропасть, которая разделяет мужчин и женщин. Никто еще до Пины Бауш не показывал этого со сцены так беспощадно и ясно.

Но кто же все-таки она — эта дама, так решительно перевернувшая наши представления о балете, создавшая совершенно особый, новый жанр, жанр танцтеатра.

Немка, родившаяся в 1940 году в промышленном Руре, неподалеку от города Вуппертала.

Маленькой девочкой она любила тихонько, как мышка, сидеть под столом в зале ресторана, который содержали ее родители, наблюдая за посетителями. А еще больше любила танцевать, хотя ужасно стеснялась своих не в меру длинных ступней. В местной балетной школе она была одной из лучших. В 15 лет смогла попасть в студию к Курту Йоссену — основателю экспрессионистского направления балета. Потом продолжала учиться и работать уже в Нью-Йорке, где танцевала сначала у знаменитого Энтони Тюдора, затем у Пола Тэйлора. А потом сама стала ставить спектакли.

Свои постановки Пина Бауш привозила на разные конкурсы, где получала за них неоднократно призы. Имя ее приобрело известность. И в 1973 году оперный театр Вуппертала, откуда она родом, пригласил ее возглавить балетную труппу (с тех пор она продолжает ею руководить).

Вначале ее работы имели достаточно классическую фактуру. Однако и они уже выдавали в ней сильную творческую личность и своеобразное понимание танца — как средства передачи человеческой психики.

Первым спектаклем, вызвавшим шок и одновременно, как говорят, «зубовный скрежет» у критиков, стала «Синяя борода» — беспощадная притча на ее излюбленную тему конфликта и взаимного непонимания мужчин и женщин. Именно его привезла она в 1977 году на международный театральный фестиваль в Нанси. И... действительно там прогремела. Ведь именно этого она и добивалась: нарушить пассивное спокойствие публики, которое ей было ненавистно, расшевелить и даже разъярить зал.

Балетный мир долгое время делал вид, что не замечает ее новаторских поисков и открытий. Да и публика тоже далеко не сразу за ней пошла. Было время, когда она чуть ли не толпами уходила с ее спектаклей и когда городские власти Вуппертала уже собирались пожалеть, что доверили ей театр... Сегодня, где бы ни гастролировала

труппа, билетов не достать.

Первые постановки Пины Бауш были немемы — артисты только двигались особым, присутствующим лишь «Танцтеатеру» образом, но не говорили. Постепенно она начала вводить речь. Тем не менее движение остается главным (хотя и очень сдержанным) выразительным средством, главным языком ее спектаклей.

Это и составляет главную силу ее произведений и их отличие от всего остального, что делается в театральном искусстве.

Что касается ее танцовщиков, то их часто изображают некими бесправными, безликими существами, полностью подчиненными воле руководительницы, истязаемыми ею на занятиях и репетициях, лишенными личной жизни, привязанностей «на стороне», то есть вне коллектива. Однако сами они над этими рассказами только посмеиваются.

— То, чего от нас добивается Пина, не сложнее, чем 32 фюэте, которых требуют от солистов классического балета, — пожимает плечами артист Жан Сапотрес. — У нас в труппе все основано на одном — на доверии. Мы целиком доверяем Пине и знаем, что она никогда не заставит нас опуститься ниже наших возможностей.

Состав труппы очень интернационален, чем сама Пина дорожит и гордится. Желающих попасть в нее — множество. По нескольку раз в году проводятся конкурсные смотры. Некоторые из их участников бывают искренне изумлены и раздосадованы, видя, что та самая Бауш, которая олицетворяет для них современное понимание танца, требует от конкурсантов прежде всего образцовой классической подготовки...

В спектакле «Палермо, Палермо», поставленном в 1989 году, есть такая сцена: рушится, обваливается стена. И на ее руинах люди танцуют, приветствуя новую жизнь, которая здесь возникнет. Образ, предвосхитивший реальное событие — падение Берлинской стены, после которого можно наконец начинать строить...

Брижит ЭРНАНДЕС.
«Пуэн», Париж.